

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20180315
УДК 94:34(574) "1800/1850"

И.В. АНИСИМОВА

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Алтайский государственный университет,
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

В статье проводится анализ развития судебно-правовых институтов в казахском обществе в первой половине XIX в. Модернизационная направленность проводимой Россией политики нашла свое выражение в реформировании судебной системы казахского общества, которое шло по пути ее интеграции в общеимперское правовое пространство. В ходе исследования выделены основные этапы становления судостроительства региона и определено их содержание. Показано, что судебная система региона приобрела сложную конфигурацию: наряду с общеимперскими правовыми институтами и нормами в ней сохраняли свой статус элементы традиционного суда. Отчасти это было обусловлено патерналистским характером национальной политики Российской империи. Реформы судостроительства казахского общества широко обсуждались на региональном и центральном уровнях власти, однако выработать оптимальную модель судебной системы к середине XIX в. так и не удалось.

Ключевые слова: Российская империя, Казахстан, судебная система, народный суд, обычное право, реформа, интеграция, инкорпорация, модернизация

I.V. ANISIMOVA

DEVELOPMENT OF THE KAZAKH SOCIETY JUDICIAL SYSTEM IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Altay State University
61 Lenina Str., Barnaul, 656049, Russian Federation

The article analyzes development of the Kazakh society's judicial and legal system in the first half of the XIX century. The necessity to integrate the region into the general imperial space led to carrying out a broad range of reforms that resulted in transformation of the potestary-patriarchal relations and Kazakh society's traditional social institutions. An important component of Russia's policy was the transformation of the judicial and legal system of Kazakhstan, whose formation took place in the first half of the XIX century. The study objective is to determine features of Kazakh society's judicial system during the examined period and to identify its efficiency degree based on complex points of the frontier modernization and neoinstitutionalism theory and involving new documentary sources. The state policy of the Russian Empire in the Central Asian national outskirts was aimed at "soft" integration of the nomadic community into the general imperial legal space. This resulted in slow "transplantation" into region of the judicial imperial elements and preservation of traditional court on adat basis.

This concept was reflected in main bills of the first half of the XIX century concerning the studied region: "The Charter on Siberian Kirghizs" 1822, "Regulations to manage Orenburg Kirghizs" 1844, "Regulations to manage Semipalatinsk Region" and subsequent orders of 1854. The status

Инна Владимировна Анисимова – канд. ист. наук, доцент кафедры востоковедения, Алтайский государственный университет, e-mail: iva0410@mail.ru.

Inna V. Anisimova – Candidate of Historical Science, Docent, Department of Oriental Studies, Altay State University.

of a people's court in the regional legal system caused disputes, whose jurisdictions were quite broad despite the limitations imposed by reforming. Regional and central authorities admitted the incompleteness and functional inefficiency of this option of the judicial system and discussed necessity of its reorganization through unification with the Imperial legal space.

Key words: Russian Empire, Kazakhstan, judicial system, People's Court, customary law, reform, integration, incorporation, modernization.

Важным этапом развития российской имперской модели стал XIX в. Именно в этот период отчетливо проявился патерналистский подход в политике России по отношению к народам азиатских окраин, теоретические основы которого нашли практическое воплощение в реализации стратегии их интеграции в политико-правовое и социально-экономическое имперское пространство. Был разработан и реализован комплекс реформ, направленных на модернизацию традиционного кочевого сообщества и его интеграцию в общеимперское пространство. При этом, соглашаясь с И.В. Побережниковым, необходимо подчеркнуть, что российская модернизация на протяжении XVIII – начала XX в. осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения, что требовало, с одной стороны, максимального разнообразия культурных навыков и этнокультурного взаимодействия носителями автохтонных культур. С другой стороны, контакты местного населения с поселенцами способствовали совершенствованию и его собственной культуры. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно – западноевропейского, происхождения [1, с. 4–7]. Особое внимание в связи с этим необходимо уделить судебно-правовой системе, которая выступала важным способом координации социального взаимодействия. Реформы традиционной судебной системы казахского общества стали одним из важнейших векторов национальной политики Российской империи в центральноазиатских окраинах.

Необходимо отметить, что тезис о модернизационной направленности имперских реформ, проводимых в национальных окраинах, отрицательно оценивается в современной казахстанской историографии. В ряде исследований подчеркивается, что кочевое общество было не готово к широкой трансформации традиционных социально-правовых институтов. К тому же организация имперского судопроизводства, разрушая уникальную судебную систему в лице бийского суда, способствовала укреплению и ужесточению колониального режима [2]. Более взвешенными представляются оценки современной российской историографии, согласно которым внутренняя политика Российской империи была ориентирована на поиск оптимальной практики управления, обеспечивающей административную, финансово-налоговую и судебно-правовую унификацию ее регионов [3, с. 31–40].

К 1820-м гг., когда казахское традиционное общество стало рассматриваться Россией как объект национальной политики [3, с. 41–42], относится начало реформирования судостроительства региона. При этом, исходя из особенностей административно-территориального деления казахской степи, наблюдалось формирование двух моделей судостроительства в регионе, которые при этом были взаимосвязаны. Первая модель реализовывалась среди казахов Среднего жуза, тер-

риториально относившихся к Западной Сибири. Устав о сибирских киргизах 1822 г., направленный на регламентацию административно-территориального устройства и управления казахов Среднего жуза, определял основные контуры судебной системы и подвергал традиционные судебные институты кардинальным преобразованиям. Отныне судебная система была представлена пограничной комиссией, окружными приказами, военными судами и традиционным судом биев, чьи функции и компетенции были разграничены.

Особую роль в судебной системе региона стала играть Пограничная комиссия, к полномочиям которой относилось рассмотрение дел о конфликтах, затрагивающих интересы русских и казахов [4, с. 28]. В частности, за кражу, нападение на прилинейных жителей, причинение им материального ущерба казахи судились гражданским уголовным судом Пограничной комиссии с участием султанов – правителей [5, с. 122]. Однако зачастую Пограничная комиссия рассматривала и дела, возникавшие между казахами.

В целом для первой половины XIX в. характерно значительное расширение сети судов, создание не только пограничных судов, но и ряда окружных приказов, которые наряду с административными выполняли важные судебные функции. Окружной приказ приобрел значение уездного суда, в состав которого входили и «два заседателя из почетных киргизов» [6, с. 401]. К подсудности приказов относились все дела об измене, убийстве, разбоях, барымте, захвате русских в плен, а также антиправительственных выступлений. Уголовные дела решались «на основании общих государственных узаконений» и поступали на ревизию в областной суд [7, с. 79].

Важное значение в судебной системе региона сохранял суд биев, опиравшийся на нормы адата [6, с. 401]. Причины сохранения их суда в системе судопроизводства на протяжении XIX в. объяснялись государственной властью политическими интересами Российской империи. Так, в одном из документов Степной комиссии по разработке Положения об управлении в казахских степях 1867 г. подчеркивалось, что «оставление за киргизами¹ разбирательства большинства дел судом биев успокоило и значительно ослабило неудовольствие народа, привыкшего к необузданной свободе и потому не могшего равнодушно смотреть на новые порядки, во многом стесняющие его своеволие»².

Однако полномочия биев были значительно сокращены: из трех категорий преступлений, определяемых по Уставу – уголовные, жалобы на управление и исковые – в компетенции традиционного суда остались только последние, к которым и относилась основная масса правонарушений.

¹ Здесь и далее речь идет о казахах, которые вплоть до конца имперского периода в документальных источниках определялись этнонимом «киргизы».

² Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГАРК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 10–16.

Передача дел «по жалобам на управление» в введение общеимперского суда предоставляла право казахам обращаться с претензиями на представителей административной власти в вышестоящие инстанции. Кроме того, казахам было предоставлено право обращаться в имперские судебные органы в случае несогласия с решением суда биев. Данный механизм, по мнению разработчиков Устава, должен был со временем нанести удар по положению и роли традиционного суда биев в казахском обществе. Однако подобная политика, весьма разумная с политической точки зрения, дискредитировала российские власти даже в глазах признающих их казахских султанов и родовых старейшин: преобладающая часть казахского населения предпочитала по-прежнему прибегать к суду биев [8, с. 55].

Исследователи признают, что несмотря на сохранение народного суда как элемента судебно-правовой структуры, Устав 1822 г. существенно осложнил положение биев в обществе. Авторитет, которым пользовались они в казахском обществе, был поколеблен [5, с. 123]. Введение выборного начала для биев с последующим утверждением государственной властью открыло, по мнению С. Зиманова, путь к бийским должностям большому числу лиц, создало своеобразную систему двоевластия в родовых отделениях: наряду со старыми биями появились «избранные» бии, которые не отличались высокими личными качествами. Теперь нередко можно было встретить среди биев «невежд и весьма недалеких людей, единственным достоинством которых было богатство» [9, с. 197]. Связь бийских судов с официальными органами власти и надзор за их деятельностью со стороны последних со временем привели, по мнению Н.Е. Бекмахановой, к фактическому огосударствлению значительной их части. Постепенно бии начали приобретать статус местных государственных чиновников, что было закреплено в последующих законодательных реформах [10, с. 231].

Безусловно, при всей важности проводимых реформ преобразования судебной системы по Уставу 1822 г. не были восприняты единодушно. Весной 1828 г. сенатор Б.А. Куракин предоставил в Сибирский комитет записку о результатах ревизии Западной Сибири и введении в действие Устава о сибирских киргизах 1822 г.³, в которой, при признании его важности, выразил скептическое отношение к Положению Сперанского. Князь Куракин отмечал, что «...ни дух киргизского народа, ни степень зависимости его от России <...> не требовали той внезапности, с какой введен в действие Устав о киргизах, и тех средств, какие были употреблены к поддержанию онаго»⁴. В процессе внедрения новых судебных институтов и норм среди казахов князь Куракин предлагал действовать крайне осторожно и умеренно. В этом отношении он соглашался с мнением генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича, который предписывал окружным приказам удовлетворять поступающие от казахов любые просьбы о рассмотрении судебных исков, за исключением уголовных дел. Куракин подчеркивал, что при этом необходимо избегать принуждения казахов к обращению в русский суд и «строго запретить

всякому, особенно чиновникам, власть имеющим, помогать подобному разбирательству»⁵. По мнению ряда исследователей, нововведения осложнили и затянули сам судебный процесс. В результате реформы, по мнению Е.Б. Бекмаханова, с разбором судебных дел казахов стала происходить невероятная путаница. Судебные дела накапливались сотнями и лежали без движения [5, с. 123].

Дальнейшие шаги в реформировании судебно-правовой системы казахского общества были предприняты в 30-е гг. XIX в. Важно отметить, что проводимые в казахской степи преобразования отражали в целом внутривосточный курс Николая I, который уделял значительное внимание модернизации российского права и упорядочению судебной практики. Именно при Николае I были более четко определены компетенции судебных и судебно-административных органов, создан первый в России Уголовный кодекс [11].

О дальнейшей «трансплантации» общеимперских судебных институтов в судостроительство казахов свидетельствует принятие Положения об отдельном управлении сибирскими киргизами 1838 г., согласно которому общее управление сибирскими казахами осуществляли пограничный начальник, председатель Пограничного управления, четыре советника (один из казахов), стряпчий казенных и уголовных дел и канцелярия. Руководство казахским населением являлось компетенцией Пограничного управления, которое соединяло в себе функции губернского правления, казенной палаты и губернского суда, руководствовало в своей деятельности соответствующими узаконениями для внутренних губерний [12, с. 10].

Параллельно с этим получила развитие вторая модель реформирования судостроительства, реализованная среди казахов оренбургского ведомства. Введение Положения об управлении оренбургскими киргизами от 4 июля 1844 г. определило устройство суда в Оренбургском крае, которое было представлено тремя типами судов: судом Оренбургской пограничной комиссии, получившей права палаты уголовного суда, военным судом, в компетенцию которого были переданы наиболее важные уголовные дела (возмущение против правительства, измена, убийство, барымта), и народным судом кочевников. Особое значение имело возложение на Оренбургскую пограничную комиссию обязанности инкорпорировать нормы казахского права, создать из них кодекс обычного права и передать его на утверждение правительства. По мнению Д.В. Васильева, это обстоятельство в полной мере указывает на отсутствие у власти реальных представлений о традиционном судопроизводстве у кочевников и предположении имперской администрации сохранить его в долгосрочной перспективе [13, с. 43]. Нововведением Положения 1844 г. стало изъятие из подсудности суда биев всех основных категорий уголовных дел казахов Оренбургского ведомства, а также исковых дел между казахами, превышающими 50 руб. серебром и отнесение их к подсудности общеимперских судов [14, с. 222]. Однако в процессе реализации данного постановления региональные власти столкнулись с рядом сложностей. Положение 1844 г. в целом внедрялось медленно и вызвало серьезную реакцию в казахском обществе [15, с. 198].

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 339. Л. 9–68 об.

⁴ Там же. Л. 35 об.–36.

⁵ Там же. Л. 62–63, 70.

В связи с этим важное значение имеет донесение действительного статского советника Н.С. Любимова о результатах административно-судебных преобразований в казахской степи, составленное в ходе его поездки в 1845 г. по Оренбургской губернии. Чиновник писал о недовольстве среди казахского населения работой институтов существующей судебной системы. Особой критики заслуживала медлительность рассмотрения дел, многочисленная переписка между инстанциями и ограничение компетенций бийского суда исками до 50 руб. серебром. В качестве меры, направленной на улучшение судебной системы, Любимов предлагал вернуть на рассмотрение биев все исковые дела без ограничения [16, с. 30–31].

Донесение Любимова было неоднозначно воспринято и вызвало активное обсуждение в правительственных кругах. Так, в 1846 г. была составлена докладная записка чиновника особых поручений д'Андре, адресованная председателю Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженскому, в которой высказывалась иная позиция. «Бесспорно, – писал д'Андре, – <...> предоставить султанам-правителям и старшинам производить суд по всем отраслям преступлений (за исключением одних только важных уголовных дел), кажется, не совсем согласовалось бы с видами правительства» [14, с. 245–246]. При этом д'Андре исходил из государственных интересов Российской империи и важности интеграции казахской степи в общеправовое пространство. Чиновник подчеркивал, что «избегать переписки Пограничной комиссии с султанами-правителями – значило бы почти отдать всю орду на произвол судьбы <...>» [14, с. 246].

В свою очередь председатель Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженский нейтрально относился к возможности вернуть все исковые дела казахов в подсудность народному суду, отмечая, что в отдаленных областях Степи казахи и сейчас выносят решения по искам, превышающим 50 руб. серебром, а «прекратить это не только возможности нет, но и не предвидится до тех пор, пока бии совершенно не потеряют своего векового в народе значения судей» [16, с. 42–43]. В целом несмотря на разные взгляды и оценки судопроизводства в казахском обществе, чиновники были едины в признании несовершенства нормативно-правовой основы судебной системы и необходимости ее дальнейшего преобразования. Эта идея в 1851 г. была озвучена управляющим МИД Л.Г. Сенявиным, который подчеркивал, что необходимо выработать особую модель управления казахским обществом с учетом «кочевого его быта и степени нравственного его состояния»⁶.

В итоге к середине XIX в. судостроительство Оренбургского края характеризовалось определенной обособленностью и включением «местной традиции» судопроизводства в судебную систему региона [12, с. 14]. В то же время судебная система казахов Западной Сибири в большей степени была приближена к общеимперскому судостроительству и приобрела административно-управленческий характер. Важным этапом реформирования судебной системы в связи с этим стало принятие 19 мая 1854 г. Положения об управлении Семипалатинской областью. Согласно Положению, областному правлению были даны функции палаты уголовного

суда, а в каждом из четырех округов области учреждались окружные приказы, сочетавшие административные и судебные функции и рассматривавшие уголовные дела. В качестве представителя прокурорского надзора в области назначался стряпчий казенных и уголовных дел.

Завершающим преобразования судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. стал указ Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи от 22 июня 1854 г.⁷ За уголовные правонарушения, совершенные в местах кочевий, а также за правонарушения, совершенные в городах и селениях, казахи приговаривались к наказаниям по общим законам империи. Мелкие преступления, а также возникающие между казахами гражданские дела рассматривались на основе обычного права в суде биев. Одним из важнейших нововведений стало придание званию биев выборного характера. На должность биев могли претендовать лица, имевшие опыт работы на государственных должностях не менее 6 лет.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. были сделаны значительные шаги в реформировании судебной системы казахского общества. Рассмотренные практики судостроительства – для казахов Оренбургского края и казахов степных областей Западной Сибири – позволяют говорить о поисках государственной властью оптимальной модели судебно-правовой системы региона. Но сложности в реализации такой модели заключались в характерном для национальной политики в регионе патернализме, который не способствовал коренной ломке традиционных судебных институтов и затруднял процесс интеграции казахского общества в общеимперское правовое пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Побережников И.В.* Фронтальная модернизация в российском цивилизационном контексте // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегион. науч. конф., 6–7 июня 2013 г. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 3–10.
2. *Нурпеисов Т.А.* О деятельности «Степной комиссии» по подготовке реформы 1867–1868 годах в Казахстане // Известия вузов Кыргызстана. 2010. № 3. С. 192–196.
3. *Лысенко Ю.А., Анисимова И.В., Тарасова Е.В. и др.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Барнаул: АЗБУКА, 2014. 271 с.
4. *Шаламов М.* Судебное устройство Казахстана. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 99 с.
5. *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40-е гг. XIX в. Алма-Ата: «Казах университет», 1992. 398 с.
6. *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
7. *Анисимова И.В., Лысенко Ю.А.* Нормативно-правовая база реформирования традиционной судебной системы казахского общества в XIX в. // Вестник алтайской науки. 2013. № 1. С. 78–82.
8. *Почкаев Р.Ю.* Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81). Апрель. С. 51–58.
9. *Зиманов С.З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата: АН КазССР, 1958. 293 с.

⁷ Указ императора Николая I о распространении на казахов общих законов Российской империи от 22 июня 1854 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1760-1780/Kazach_rus_17_18/261-280/261.htm (дата обращения: 27.03.2018).

⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4079. Л. 1–3.

10. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е гг. XIX в. М.: Наука, 1980. 280 с.

11. Ружицкая И.В. Судебное законодательство Николая I (работа над Уголовным и Гражданским уложениями) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 41–57.

12. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: на пути к интеграции // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 4(73). С. 5–21.

13. Васильев Д.В. Административное управление Малой Казахской ордой в первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 40–45.

14. Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 441 с.

15. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 296 с.

16. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 582 с.

REFERENCES

1. Poberezhnikov I.V. Frontier modernization in the Russian civilizational context. *Regional'nye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiia rossiiskogo obshchestva v XX stoletii: problemy industrializatsii i urbanizatsii: materialy mezhr regional'noy nauchnoy konferentsii. 6–7 iyunya 2013 g.* Novosibirsk, 2013, pp. 3–10. (In Russ.)

2. Nurpeisov T.A. "Stepnaya Commission" Activity on preparing reforms of 1867–1868 in Kazakhstan. *Izvestiia VUZov Kyrgyzstana*, 2010, no. 3, pp. 192–196. (In Russ.)

3. Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Tarasova E.V., Sturova M.V. The traditional Kazakh society in the Russian Empire national policy: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (the XIX – early XX centuries). Barnaul, AZBUKA, 2014, 271 p. (In Russ.)

4. Shalamov M. The judicial system of Kazakhstan. Moscow, Yurid. izd-vo NK Yu SSSR, 1941, 99 p. (In Russ.)

5. Bekmakhanov E. Kazakhstan in the 20–40s of the XIX century. Alma-Ata, Kazak Univ., 1992, 398 p. (In Russ.)

6. Levshin A.I. Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes. Almaty, Sanat, 1996, 656 p. (In Russ.)

7. Anisimova I.V., Lysenko Yu.A. The legal framework of reforming the traditional judicial system of the Kazakh society in the XIX century. *Vestnik altaiskoy nauki*, 2013, no. 1, pp. 78–82. (In Russ.)

8. Pochekaev R. Yu. The main stages of the evolution of the Kazakh court of the biys (the XV – early XX centuries). *Zanger*, 2008, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.)

9. Zimanov S.Z. The social structure of Kazakhs of the first half of the XIX century. Alma-Ata, AN KazSSR, 1958, 293 p. (In Russ.)

10. Bekmakhanova N.E. The multinational population forming in Kazakhstan and northern Kyrgyzstan. The late XVIII – 60s of the XIX centuries. Moscow, Nauka, 1980, 280 p. (In Russ.)

11. Ruzhitskaya I.V. The judicial law of Nicholas I (elaborating the Criminal and Civil codes). *Otechestvennaya istoriya*, 2001, no. 4, pp. 41–57. (In Russ.)

12. Vasiliev D.V. Russia and the Kazakh steppe in the first half of the XIX century: towards integration. *Vestnik Rossiiskogo humanitarnogo nauchnogo fonda*. 2013, no. 4, pp. 5–21. (In Russ.)

13. Vasiliev D.V. Administration of the Small Kazakh Horde in the first half of the XIX century. *Gumanitarnye issledovaniia v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2015, no. 3, pp. 40–45. (In Russ.)

14. Masovich M.G. (comp.). The historical contents of the political system of Kazakhstan. Alma-Ata, Izd-vo Akad. nauk KazSSR, 1960, 441 p. (In Russ.)

15. Zimanov S.Z. The political system of Kazakhstan in the late XVIII – early XIX centuries. Alma-Ata, Izd-vo Akad. nauk KazSSR, 1960, 296 p. (In Russ.)

16. Lysenko Yu.A. (ed.). Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: the conceptual approaches and mechanisms of implementation (the XIX – early XX centuries): documents and notes. Barnaul, AZBUKA, 2014, 582 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.06.2018